

СЕРГЕЙ КЛЮЧНИКОВ

Страсть к красоте

[263]

ИЛ 9/2021

О поэте и переводчице Юрии Ключникове

В самом конце 2020 года мой живущий в Новосибирске отец, поэт, переводчик, эссеист, философ Юрий Михайлович Ключников, которому 24 декабря 2020 года исполнилось 90 лет, выпустил пятую книгу своего большого проекта по переводам и переложениям мировой поэтической классики Востока и Запада “*Душа моя, поднимем паруса!*”, второе издание. Проект огромный — было переведено около 1600 стихотворений индийских, китайских, персидских, французских и английских поэтов.

Но и жизнь была большой и весьма трудной, насыщенной и очень яркой. В ней было, наверное, все, что выпало испытать жителю страны, родившемуся в далеком 1930 году, — и эвакуация из Харькова, в который уже входили немцы, и военное детство в Кузбассе, и первые литературные опыты по написанию стихов, сочетавшиеся с работой ученика токаря, что сделало 14-летнего подростка работником тыла, и учеба на филологическом факультете одного из лучших учебных заведений страны — Томского университета, где преподавало множество крупных ссыльных ученых из Москвы и Ленинграда, и работа сельским учителем, завучем, директором школы, а также корреспондентом в газете и на областном новосибирском радио.

А затем — неожиданная двухлетняя командировка в Высшую партийную школу в Москве (такие подарки судьбы одаренным провинциалам были возможны, наверное, только в период оттепели), изучение западной философии и религиозных источников в спецхране Ленинки, напряженные поиски смысла жизни. После возвращения в Новосибирск работал главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства “Наука” Сибирского отделения РАН.

И на пике карьерного журналистского благополучия неожиданное погружение в богоискательство, в философию Востока, несколько наивное предложение властям реформировать и оду-

хотворить марксизм, иначе распадется страна, предупреждал поэт еще в 70-е годы. Но в ответ на это предупреждение об опасности власть в качестве “благодарности” устроила партийное дело (на целых три года 70 (!) собраний и проработок с безуспешными попытками заставить упрямого журналиста покаяться; дело дошло до ЦК и Политбюро). А потом увольнение с идеологической работы из-за несогласия каяться и пять с половиной лет напряженного труда грузчиком на хлебозаводе вплоть до начала перестройки. Возможность печататься была прервана на двадцать лет, в Союз писателей поэта приняли только в 74 года. Позже — десять экспедиций в Горный Алтай, шесть длительных поездок в Индию, издание духовно-философской литературы, культурно-просветительная работа, выступления с лекциями по стране. И все это время — стихи, эссе, переводы. Первые переводческие опыты были еще в студенческие годы, когда молодой филолог пробовал переводить с французского Верлена, Аполлинера, Кокто. Затем были долгие годы, наполненные лирической поэзией, а возвращение к переводам произошло уже в почтенном возрасте, когда голод по сочинению собственных стихов был удовлетворен.

Хотя Ю. М. Ключников создал пять книг переводов и переложений классической поэзии Востока и Запада, он все-таки считает себя не профессиональным переводчиком, а русским поэтом. Во-первых, потому, что собственных стихов у него гораздо больше, чем переведенных. А во-вторых, потому, что он чаще переводит других стихотворцев как поэт, в свободной творческой манере. Как, впрочем, делали и другие отечественные поэты, предпочитавшие давать своим переводам подзаголовки — “Из Гёте”, “Из Шиллера”, “Из Байрона”. Ю. М. Ключников склонен называть свои переводы “вольными”.

Проект “Душа моя, поднимем паруса!” состоялся, хотя и не завершен: поэт хотел бы перевести “Западно-восточный диван” Гёте и антологию мировой поэзии от Гомера до Роберта Фроста. Позволит возраст выполнить эти намерения? Не изданы еще две практически готовые работы — сборник “100 лучших стихотворений” Джона Донна и небольшая книжечка 35 стихотворений Мао Цзэдуна, считающегося в Китае реальной поэтической звездой второй величины.

Большим оказалось не только количество переведенных стихотворений, но и объем поэтического осмысления классики. Так, сборник переводов французской поэзии “Откуда ты приходишь, красота?” охватывает восемь веков — от трубадуров до Луи Арагона; сборник суфийской (персидской) поэзии — двенадцать веков, от Рабии до аятоллы Хомейни. Но

сборник китайской поэзии “Поднебесная хризантема” — это уже целых тридцать веков — от древнего “Ши цзина” до Хай Цзы, ушедшего из жизни в конце XX века. Сборник индийской поэзии “Слово Ариаварты” — это тридцать пять веков существования стихотворных жанров, от гимнов “Ригведы” до творчества современных поэтов. Можно сказать, что перед нами картина существования человечества, история восточной и западной цивилизации, изложенная рифмой и осмысленная поэтом-философом. Изложенная, по мнению литературных экспертов, ярко и талантливо. Как поэт-переводчик Ю. М. Ключников обращался к самым разным жанрам и поэтическим формам — эпиграммы, басни, элегии, гимны, сонеты, рыцарские канцоны.

Вольная форма переводов, избранная поэтом, обеспечивает связь с русской поэтической традицией, создающей на месте переводимого стихотворения его русского самостоятельного двойника, совершенный в литературном смысле текст. Так переводили Жуковский, Пушкин, Лермонтов, Блок, Ахматова, Маршак, Корней Чуковский. Каждый клочок земного шара, считает Ю. М. Ключников, должен быть поэтически обжит и воспринят на перекрестках культур, должен способствовать рождению новой культурной солидарности, единению человечества, о чем говорил в свое время Ф. Шиллер:

Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!

Вольная форма переводов уравновешена у Ю. М. Ключникова серьезным научным аппаратом (предисловия экспертов, биографии поэтов, примечания, словари терминов). Научным и литературным редактором сборника французских переводов был профессор Литинститута, доктор филологических наук С. А. Небольсин, суфийские переводы редактировал доцент ИСАА МГУ, специалист по персидской поэзии В. Н. Зайцев. Редактором поэтической части книги китайских переводов был лауреат Государственной премии России профессор А. Е. Лукьянов. Сборник английских переводов издавался при кураторстве шекспироведа М. Д. Литвиновой, написавшей к книге предисловие.

Ю. М. Ключников свободно владеет французским и английским языками, а индийскую, китайскую и персидскую поэзию переводил по подстрочникам. Однако, по мнению экспертов, это несколько не помешало передать красоту и сам дух каждой поэтической культуры, свежесть взгляда на мир каждого поэта. Поэт,

переводчик, индолог А. Н. Сенкевич писал о стихотворном переводе “Бхагавадгиты”, сделанном Ю. М. Ключниковым: “Новое поэтическое переложение на русский язык *Бхагавадгиты*, избавленное от академической схоластики, полностью соответствует вызовам XXI века”. Известный китаевед, профессор З. Г. Лапина в своем предисловии к сборнику “Поднебесная хризантема” отмечала: “Наконец-то у русского читателя появилась книга, позволяющая ему получить такое же наслаждение от музыки и красоты китайского стиха, какое доступно самим китайцам”.

Ю. М. Ключникова завораживала красота мировой поэзии. Ему хотелось понять культурный код каждой нации, почувствовать, как поэзия великих творцов создавала душу нации.

Нельзя не сказать, что прежде чем взяться за перевод и написание биографического очерка, поэт глубоко погружался в каждую поэтическую культуру, прочитывал десятки книг (не сосчитать количества походов в новые книжные и старые букинистические магазины, которые мне пришлось в связи с этим посетить), он слушал стихи переводимых авторов на их родном языке по “Ютубу”, стараясь войти в ритмику иной поэтической традиции, — прежде всего это касалось восточных переводов. Ключников перелагал стихами и философские эпические поэмы — подобный подход был характерен для древней и средневековой поэзии; Авиценна, например, перелагал стихами даже медицинские трактаты.

Ю. М. Ключников хорошо понимает драматизм современной духовной ситуации, в которой засилье потребительских идеалов отвращает людей, особенно молодое поколение, от гигантских культурных пластов прошлого. И если сегодня какой-нибудь технически образованный молодой человек с трудом продирается к смыслу стихов Мандельштама, то древняя восточная и западная поэзия, особенно если она подана академически и переведена буквально, становится просто недоступной, ускользает от читательского внимания. Да что говорить о современных любителях гаджетов, когда похожие чувства испытывал сам Мандельштам: “Бессонница, Гомер, тугие паруса... Я список кораблей прочел до половины...”! Поэтому-то Ю. М. Ключников старается переводить поэтические тексты древних таким образом, чтобы они были понятны современному человеку, бережно удаляя из них те подробности, которые могут попросту испугать начинающего любителя поэзии. Продолжая метафору, можно сказать, что он намеренно сокращал “список кораблей” во имя того, чтобы один из них все-таки доплыл до желанного берега. Об этом же написал литературный критик В. Д. Лютый в своей статье о творчестве Ю. М. Ключникова на примере переложения текста “Бхагавадгиты”:

“Этот поэтический текст хочется читать не из потребности расширить собственный кругозор, но просто потому, что он написан увлекательно. Сложное здесь дано очень ясно, нет нагромождения сентенций, к которым читатель априори должен относиться с некоторым уважением или пиететом. Подобной чистоты слога стремится достичь любой переводчик в своем переложении оригинала на другой язык, но всякий раз сталкивается с трудностью соединения умозрительного — и осязаемого, материального. В переводе Ключникова эта художественная проблема волшебным образом удалена из соприкосновения читателя с великим сюжетом”.

Волшебное удаление “стилевой архаики” — фирменный стиль творческого метода Ю. М. Ключникова. Задача непростая, деликатная. Индолог А. Н. Сенкевич сравнивает работу Ключникова-переводчика с деятельностью реставратора, освобождающего подлинный лик древнего произведения от второстепенных элементов, отстаивая право поэта в художественном переводе на некую вольность.

Следует признать, что у Ю. М. Ключникова, при всем огромном объеме проделанной работы, не так много абсолютно новых стихов, никем не переведившихся. Он сам объясняет это тем, что у него нет жажды быть первооткрывателем новых имен и стихов, он испытывает чувство огромного доверия к советской и российской школе переводчиков, в свое время отобравших для издания лучшие стихи поэтов Востока и Запада. Для него гораздо важнее найти в общеизвестных стихотворениях классиков новые смыслы, которые по тем или иным причинам были недостаточно прочерчены в прежних, пусть даже самых удачных, переводах других авторов.

Ю. М. Ключников, назвавший свою книгу путешествий “Я в Индии искал Россию”, вернулся к этой теме через пятнадцать лет в сборнике “Слово Ариаварты: 35 веков индийской поэзии”. Он обнаружил удивительное созвучие поэтического санскрита и хинди с русскими размерами, рифмами и образами. Но ведь он нашел это созвучие и в китайской поэзии, кардинально отличающейся от индийской, и в поэзии суфиев, и во французской поэзии (во многом благодаря отношению к ней Пушкина), и в сонетах Шекспира, которого тот же Пушкин называл “отцом нашим”. Речь идет не столько о близости поэтических тем, во многом общих для всех времен и народов, но об особой, светоносной духовности, наполняющей строки поэтов-классиков, о близости душевного настроения людей разных стран. Именно о ней, о бессмертной человеческой душе, в чем-то похожей на другие поэтические души, которая ни за что не должна погибнуть в современной атмосфере

ре чистогана, говорится в стихотворении поэта, предваряющего сборник его французских переводов:

[268]

ил 9/2021

Пусть не услышу от французов слова,
Как их стихи на русском хороши.
Мне важно из безмолвного бывшего
Извлечь живую суть живой души:
Мир не был и не будет совершенен,
Грядущий рай — несбыточная бредь.
Но не прими, о правнук, тех решений,
В которых души могут умереть.
Где вместо птиц и голоса поэта
Повсюду зазвучит бездушный звук
Симфонии по имени “Монета”.
Да не произойдет такое вдруг!

В заключение скажем, может быть, о самом главном в творчестве поэта и переводчика, о том, что пронизывает все, сделанное им. Литературовед В. В. Боченков, написавший рецензию на книгу “Откуда ты приходишь, красота?”, определил эту суть с помощью известного французского выражения “*passion du beau*” — страсть к Красоте и с большой, и с маленькой буквы. А писатель и критик А. И. Астраханцев, характеризуя поэзию и переводы Ю. М. Ключникова как “энциклопедизм” и “подвижничество”, использует понятие японского литературоведения “макото” — “реальную, истинную красоту явлений жизни и чистых, искренних побуждений и чувств человека”. Именно красота помогла поэту, по мнению Астраханцева, взять пять творческих “высот”, создав книги поэтических переводов разных культур. Именно красота делает убедительным и добро, и истину в знаменитой этической трилогии античности, которую столь подробно разбирал в своих статьях Л. Н. Толстой. И предлагаемая подборка стихов, переведенных Ю. М. Ключниковым, как раз об этом.

Для великой поэтессы Поднебесной Ли Цинчжао (1084—1151) Красота — это красота единения человека и мироздания.

Хризантема

Зеленая и нежная листва,
Прекрасен лепестков узор певучий...
Не стоят ничего мои слова,
Чтоб выразить всю красоту созвучий.
О хризантема, осени дитя!
Твой стойкий дух — хозяин непогоды.

Поверх унынья красотой светя,
Ты — дивное творение природы.
Пусть ярче сливы ранние цветы,
Сирень чарует тонким ароматом.
Они не могут поместиться рядом
С твоим неярким всплеском красоты.
Спасибо, что измученному сердцу
Даешь в твоём сиянии согреться.

Для поэтов-суфиев Красоту олицетворяет женщина, которая в стихах Низами Гянджеви (1141—1209) сравнивается и с луной, и с солнцем, и с кипарисом, и с туманом, и с цветком.

* * *

Лунолика и прекрасна ты, творение Хотана,
Кипарис напоминает молодая прелесть стана.
С золотым свеченьем солнца из рассветного тумана
Я глаза твои сравнил бы, нет и тени в них обмана.
Розой палевой могла бы ты украсить сад султана,
Но Аллах послал поэту свой цветок благоуханный.
О сокровище природы, о подарок первозданный!
Наслаждаюсь и люблюсь я тобою неустанно.

Для жившего в XVII веке Шекспира Красота — образ любимой, получающий в 65-м сонете статус бессмертия, который нужно обязательно сохранить в тектонически неустойчивом мире.

* * *

Поскольку даже горы и леса
Меняет и уничтожает Лета,
Как уцелеет дивная краса
Недолго нас чарующего лета?

Никак не может Времени сундук
Сберечь живую прелесть нежной розы,
И скалы каменные чувствуют испуг,
Когда подземные толчки несут угрозы.

Пугающий финал! Но как же сохранить
Священной Красоты волшебный камень?
Как дальше оберечь святую нить,
Сокровища хранящую веками?

В поэзии течет спасительная кровь,
Алхимия чернил спасет мою любовь.

В более поздние века в целостном образе Красоты появляются черты двойственности (об этом — бессмертные строки Шарля Бодлера (1821—1867)).

[270]

ил 9/2021

* * *

Откуда ты приходишь, Красота?
Ты дар небес иль вызов преисподней?
Влечешь к себе иссохшие уста
С беспмятных времен и до сегодня.
В тебе и утро наше, и закат,
И ясность, и дурное наважденье.
Тобою каждый насладиться рад,
Ты боль приносишь после наслажденья.
Вот мотылек летит на твой огонь
В надежде отыскать чертоги рая.
Находит их ценою дорогой,
В твоём коварном пламени сгорая.
Твой дух нам непонятен, облик прост.
Нуждается в тебе на свете каждый.
Ты нас сопровождаешь, словно пес,
Хранитель-ангел или ангел падший.
Любви дитя или творенье зла,
Святая правда под картоном маски.
Тебя несут к нам вечные крыла
Загадочной мечты и страшной сказки.
Так Бог иль сатана, злодей или мечта,
Царица жизни, плена или тлена?
Не все ли нам равно, будь вечна, Красота,
И неизменна, и благословенна!

Но мы видим, что эта двойственность несет в себе энергию искупления и поэт благословляет противоречивую тайну красоты.

Чем ближе к нашим дням, тем проблемней становится существование высшей Красоты, на протяжении тысячелетий питавшей поэзию. Это чутко уловил еще перед Второй мировой войной индо-пакистанский поэт Мухаммед Икбал (1873—1938): слишком стремительны бег времени и смена впечатлений — пресыщенным становится само человеческое восприятие.

Сущность красоты

Творцу Вселенной был вопрос от Красоты:
“Зачем меня столь хрупкой сделал Ты?”

Ответил: “Мир подобен странной галерее,
Картины в ней мелькают всё быстрее.
А все недвижимое, что быстро не растает,
Ценителям картин легко надоедает.
Уж так себя поставил человек-знаток.
Его вниманьем не владеет даже Бог.
И даже если сотворю нетленным тело,
Раздастся хор: ‘Нам это надоело!’”
Луна, услышав разговор, смутилась,
Куда-то в облака запропастилась.
Вечерние и утренние зори заскучали,
Цветы от рос набрались слез печали,
Покинула весна цветущие луга,
И юность в старости увидела врага.

Ну а что делать русскому поэту и читателю в наше непростое, цифровое время, если мы хотим “жить, чтоб мыслить и страдать”? Хранить это спасительное чувство в своей душе вопреки духу времени, о чем, продолжая стихами известную мысль Достоевского, сказал Юрий Ключников.

Красота

Я знаю, что любые перемены
Осядут илом в жизненной реке.
Но Красота, рожденная из пены,
Не умирает в песенной строке.
Она не миф, не фраза эрудита,
Не статуя бывшего миража —
Забытая Европой Афродита,
Как прежде, в русской памяти свежа.
Хоть нелегко с отбитыми руками
Ей вглядываться в сумрачную даль,
Богиня никого не упрекает,
По-пушкински светла ее печаль.
Дитя ключей кастальских и мечты,
Храни себя, храни, душа поэта!
Быть может, оскверненная планета
Твоей спасется струйкой Красоты.